

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. А. Февралёв

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕСТНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – НАЧАЛО XX ВВ.)

Аннотация: В статье показывается природа местного права в контексте его основных характеристик, показывающих данное явление как в контексте освещения его политических и свойств. Автор показывает формирование понятия «местное право» в политике и законодательстве, характеризует особенности его структуры, дает характеристику источников местного права, сфер правового регулирования общественных отношений партикулярными правовыми установлениями. Особое внимание уделяется рассмотрению опыта решения проблем согласования и унификации общегосударственного и местного права в условия имперского типа государственно-правового устройства Российского государства.

Ключевые слова: юриспруденция, Российское государство, Российская империя, источники права, местное право, местные правовые системы, основные государственные законы Российской империи, свод законов Российской империи, местные узаконения, свод местных узаконений губерний остзейских.

Возникновение и развитие местного права в России во второй половине XVII – начале XX вв. как правового явления необходимо рассматривать в контексте политики российской верховной власти и Российского государства по строительству и поддержке устойчивости его как имперского государственно-правового образования сточки зрения внешне и внутривластной стабильности и устойчивости в европейском геополитическом пространстве. Рост территории и изменения баланса социального пространства власти в сторону увеличения, а затем и превалирования населения национальных регионов, выдвинули вопросы использования местных управленческих и правовых систем в число основных политико-юридических проблем, стоящих перед верховной властью. В связи с этим интерес представляет политико-правовая природа местного права – его основные черты и свойства, отражающие специфику использования в решении политических задач российской верховной властью, особенности нормативно-правового содержания и места в правовом регулировании общественных отношений в Российской империи.

В рамках данной статьи обозначим основные вопросы, характеризующие главные черты местного права, показывающие его юридическую природу и позволяющие определить его место в системе социального управления и правового регулирования в Российской империи.

1. Политико-юридический контекст закрепления понятия местного права в российском законодательстве

Общие подходы к обозначению и пониманию общих характеристик местного права появляются с включением новых народов и территорий в юрисдикционное пространство Российского государства. Верховная государственная власть во второй половине XVII – первой четверти XIX вв. в правовых актах об изменении социального и территориального пространства самодержавия и обозначает свое отношение к управленческому и правовому положению национальных регионов и статусу их коренных жителей. Активно расширяя политико-правовое пространство верховная власть стремилась не только обеспечить геополитическую и внутривластную стабильность Российского государства, но и обеспечить социальную устойчивость и управляемость многонациональным населением. патримониальный характер власти. При этом российская верховная власть также проводила идею единства и общего Отечества с русским царем во главе, пропагандировали патримониальный характер власти.

Правовые акты российской верховной власти фиксировали и определяли политико-юридические основы формирования и наличия в правовой системе России как местного права в целом, так и появления местных систем

партикулярного права, регулирующих общественные отношения исключительно в отдельных национальных регионах. Начало этому процессу положил русский царь Алексей Михайлович, когда 8 января 1654 г. объявил Богдану Хмельницкому, обратившимся с просьбой о желании стать его подданными, о сохранении дарованных ранее властями Польши и Литвы «прав и вольностей» и 27 марта того же года подписал жалованную грамоту. Петр I по мере продвижения во время Северной войны в Прибалтику в 1710-1712 гг. издал ряд жалованных грамот жителям Остзейского края «в подтверждение древних их привилегий, прав и статутов». Екатерина II в 1795 г. с присоединением к России Курляндского и Семигальского княжеств и Пильтенского округа объявила, что всем жителям «права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая в целости соблюдены будут». Павел I, объявляя 18 января 1801 манифестом «о присоединении Грузинского царства к России», гарантировал «в целости ... все права, преимущества и собственность». 15 марта 1809 г. в манифесте «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии» объявил, что, «вступив в обладание Великого Княжества Финляндии признали мы за благо сим вновь утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные оное населяющие от мала до велика по конституциям их доселе пользовались, обещая хранить оные в ненарушимости и непреложной их силе и действии». Эти же принципы Александр I провозгласил и в отношении населения присоединенной в 1812 г. Бессарабии - «Жителям Бессарабской области предоставляются их законы». Он также, объявляя манифестом от 9 мая 1815 г. объявил «о присоединении к империи Российской части герцогства Варшавского под наименованием Царства Польского» и предписал «устроить участь сего края, основав внутреннее управление оного на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных»¹.

¹ См.: Объявление гетману Богдану Хмельницкому, учиненное ближним боярином Василием Бутурлиным «О принятии гетмана и войска запорожского в российское подданство, с приложением выписки о бывшей в Переяславле у запорожских казаков явной Раде, на которой они торжественно объявили желание свое быть в российском подданстве, и об обряде при утверждении гетмана Хмельницкого в его достоинстве». 8 января 1654 г. // ПСЗРИ-1. Т. 1. №115; Жалованная грамота гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому на принятие их в российское подданство; с подтверждением прав и вольностей, дарованных им от королей польских и князей литовских, на основании статей, вновь постановленных 12 марта в Москве, с посланцами их Самойлом Богдановым и Павлом Тетерею. 27 марта 1654 г. // ПСЗРИ-1. Т. 1. №118; Жалованная грамота

Правовые акты российской верховной власти, декларируя сохранения для населения присоединяемых территорий сохранения прежнего правового статуса, в политико-правовом плане обозначили не только контуры использования в национальных регионах местного управления и права, но и саму проблему – вопрос о наличии в российской системе права для русского и нерусского населения, права действующего во внутренних губерниях и права в национальных регионах (в официальной терминологии – окраин).

В правление Александра I с присоединением к России национальных регионов - Великого княжества Финляндского и Царства Польского - с развитыми местными автономными управленческими правовыми системами и признанием их в качестве таковых особыми правовыми актами российской верховной власти, более отчетливо обозначил проблему существенных различий общегосударственной и местных правовых систем. Характерно, что и проект «Государственной уставной грамоты Российской империи» 1820 г. предусматривал уже сложившееся на практике разделение законов и принцип их соотношения – «Присоединенные губернии сохраняют свои особенные или местные законы», а в Российской империи «законы разделяются на общие государственные законы и на особенные или местные. Общие законы составляют общее право и

городу Риге «В подтверждение всех его городских прав, статут, судов, чинов, вольностей, древних обычаев, преимуществ и владения наследственными маестностями на том же основании, как оные издревле от разных государей содержаны были». 30 сентября 1710 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2302; Жалованная грамота шляхетству и земству Эстляндского княжества «В подтверждение древних их привилегий, прав и статут». 1 марта 1712 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2495; Жалованная грамота городу Ревелю «В подтверждение всех древних оного города привилегий, прав, судов, законных постановлений и обычаев». 13 марта 1712 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2501; Именной указ, данный Сенату, «О присоединении на вечные времена к Российской империи княжеств Курляндского и Семигальского, а также округа Пильтенского и о приглашении уполномоченных в Сенат для учинения присяги на верность подданства». 15 апреля 1795 г. // ПСЗРИ-1. Т. 23. №17319; Манифест «О присоединении Грузинского царства к России». С приложением формы императорского титула. 18 января 1801 г. // ПСЗРИ-1. Т. 26. №19721; Манифест «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии». 15 марта 1809 г. // Собрание постановление финляндских. Узаконения обнародованные на русском языке. СПб., 1902. Т. 1. №2; Временное правление в Бессарабии // Записки Бессарабского статистического комитета. Кишинев, 1868. Т. 3. С. 108; Манифест «О договорах, заключенных к пользе государственной; о присоединении к империи Российской части герцогства Варшавского под наименованием Царства Польского; о поднятии вновь оружия против вышедшего с острова Эльба Наполеона Бонапарта». 9 мая 1815 г. // ПСЗРИ-1. Т. 33. №25842.

применяются во всех случаях, в коих местные законы недостаточны»².

Наиболее отчетливо вопросы относительно сложившейся двухуровневой системы российского права обозначил во время работ по систематизации законодательства в 1826-1832 гг. и издания Свода законов Российской империи М.М. Сперанский. Им еще во «Введении к Уложению государственных законов» (1809 г.) указывалось на наличие в России сложного государственно-правового устройства - «Российская империя разделяется на области и губернии» - и подчеркивает, что «именование областей присвоается тем частям империи, кои по пространству и населению своему не могут войти в общий распорядок управления», и они «имеют особенное устройство с применением к ним общих государственных законов по местному их положению...»³. А в связи с подготовкой Свода законов Российской империи М.М. Сперанский подчеркивал: «Если многосложность законов затрудняет ход дел внутри империи, то трудность сия очевидно должна быть несравненно более в краях присоединенных, где законы российские непрестанно должно соглашать с законами местными, кои также раздробительны и разнообразны. Когда же, напротив, и общие местные законы приведены будут в свои составы: тогда черта, их разделяющая, будет очевидна, случаи противоречия будут редки и удобно разрешаемы»⁴. Сперанский предложил в ходе систематизации законодательства составить общий (общеевропейский) Свод законов Российской империи и своды местных узаконений.

Манифест императора Николая I «Об издании Свода законов Российской империи» от 31 января 1833 г. на официальном уровне достаточно четко определил, что Свод законов рассматривается как акт систематизации действующего общегосударственного законодательства - «общий свод», а также что и после его введения в действие сохраняют юридическую силу «все местные законы, где они действуют, доколе по принятым для сего мерам не будут составлены в особые своды»⁵. Указанное положение манифеста означало, что и систематизированные в особые своды местные узаконения отдельных регионов сохраняют свое действие в отношении прожи-

вающих в них российских подданных. Автор первого руководства к Своду законов Российской империи Н.Ф. Рождественский констатирует, что по «по пространству действия российские законы разделяются на *общие* и *местные*. Первые имеют обязательную силу во всех частях империи; вторые действуют в тех только частях государства, которым они сохранены или даны самодержавною властью»⁶.

2. Основные государственные законы Российской империи в определении правовых параметров действия местного права

Законодательное определение места и пределов действия местного права в системе права Российской империи были вынесены на уровень основополагающих узаконений - в Основные государственные законы Российской империи, которые открывали Свод законов Российской империи 1832 г. изд.⁷ Последующие издания Основные государственные законы 1842, 1857, 1886 и 1892 гг. сохранили эти положения 1832 г. без изменения.

Основные государственные законы исходили из закрепленного в ст. 47 положения о единстве российского правового пространства и указывала на исходящий от императора как единого носителя верховной государственной власти закон как основной источник права - «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих». Следующей ст. 48 фиксировалось наличие местных правовых систем - «Законы в империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями. Пространство сих изменений, где они допускаются, определяются в уставах особенных». Ст. 79 Основных государственных законов определяла - «Законы, особенно для какой либо губернии или для какого либо рода людей изданные, новым общим законом не отменяются, если в нем именно таковой отмены не постановлено». Из этого следовало, что при коллизии ранее действующих местных узаконений и изданных новых общегосударственных узаконений сохранялось действие именно партикулярного права, если иное не прямо не указано в законе, действующего для всей империи. Российский цивилист Л.А. Кассо, толкуя данные положения, отмечает: «Здесь содержится: во-первых, презумпция в пользу действия общего закона на всем

² Государственная уставная грамота Российской империи. 1820 г. Проект // Конституционные проекты в России. XVIII - начало XX в. М., 2000. Ст. 30.

³ Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961. С. 189-192

⁴ Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. С. 90-91.

⁵ Манифест «Об издании Свода законов Российской империи». 31 января 1833 г. // ПСЗРИ-2. Т. 8. Ч. 1. №5947.

⁶ Рождественский Н.Ф. Руководство к российским законам СПб., 1848. С. 3.

⁷ См.: Основные государственные законы Российской империи // Свод законов российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Далее цитируется по тексту данное издание

пространстве империи, во-вторых, безмолвное признание его субсидиарной силы во всех случаях, ненормированных местными узаконениями»⁸.

К регламентации действия местного права имели отношение и другие положения Основных государственных законов. Ст. 65 определяла общие пределы толкования местных узаконений и требовала - «Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных без всякого изменения или распространения» и уточняла - «Все без изъятия места, не исключая и высших правительств, во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не переменяя в них, без доклада императорскому величеству, ни единой буквы и не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований». В данной статье также определялись общие правила разрешения коллизионных ситуаций, которые были применимы и к определению соотношения общегосударственных и местных правовых установлений. Принципиально значение для определения действия местных узаконений во времени имело закрепленное в ст. 72 правило - «Закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона». Ст. 73 уточняла, что «отмена закона существующего совершается тем же порядком, какой выше означен для составления законов» и предусматривался порядок отмены узаконения - «Закон общий и всенародно объявленный отменяется не иначе, как таковым же общим законом», а императорский «указ, изданный за собственноручным высочайшим подписанием, не иначе отменен быть может, как таковым же указом за собственноручным высочайшим подписанием». По этому поводу российский государствовед В.В. Ивановский подчеркивает - «Между общими и местными законами не может быть никакой коллизии, так как последние отменяют силу первых в той местности, на которую они распространяются, и общие законы применяются в местностях, управляемых на основании особых законов, лишь в тех случаях, относительно которых в местных законах не содержится никаких указаний»⁹.

Новая редакция Основных государственных законов 1906 г. не акцентирует внимания на особенностях правового регулирования правового статуса населения национальных регионов и исходит из четко определенного положения о единстве территориального и правового пространства (ст. 1). В них выделяется лишь Великое Княжество Финляндское, в отношении которого подчеркивается, что оно составляет «нераздельную часть

государства российского» и «во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства» (ст. 2)¹⁰.

Общая регламентация пределов действия местных узаконений, определенная Основными государственными законами была детализирована на отраслевом уровне Сводом законов гражданских (т. 10 свода законов Российской империи), который предусматривал субсидиарный характер использования общероссийского права в гражданском судопроизводстве - «В тяжбных делах принимаются в основание законы края; а в тех случаях, где оные окажутся недостаточными, принимаются и законы русские» (ч. 2, ст. 1606) и предусматривал в содержании изъятия из местного гражданского права, исключительно на основании которых решались гражданские дела в национальных регионах¹¹. При этом, как отмечает российский цивилист П.П. Цитович, соотношение общего (помещенного в Свод законов) гражданского законодательства и местных гражданских узаконений определялись следующим образом: «Общая территория (действия - С.Ф.) 1 ч. X т. теснее территории местностей, для которых существуют свои местные законы. По отношению к 1 ч. X т. эти отдельные местности находятся в двояком положении: одни из них совершенно недоступны для 1 ч. X т. - таково положение Финляндии, Остзейского края и бывшего Царства польского (после 1832 г. - С.Ф.). Другие местности, напротив, открыты действию 1 ч. X т., но лишь настолько, насколько это нужно для дополнения своих местных законов той или другой области. В таком положении находятся Бессарабия и Закавказье»¹². С изданием Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. при решении гражданских дел предписывалось следовать «по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия, основывать решение на общем смысле законов»¹³. Это предполагало принятие решения, как подчеркивает Л.А. Кассо «на основании общего духа того же местного права»¹⁴.

¹⁰ Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. №27805; Свод Основных государственных законов. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1.

¹¹ Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи: Изд. 1832 г. СПб., 1832, Т. 10. Ст. 2706; Изд. 1832 г. СПб., 1842, Т. 10. Ст. 3685; Изд. 1857 г. СПб., 1832, Т. 10. Ч. 2. Ст. 1606; 1842, 1857. Т. 10. Ч. 1-2.

¹² Цитович П.П. Курс русского гражданского права. Одесса, 1878. Т. 1. Вып. 1. С. 26.

¹³ Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства. 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 2. №41477. Ст. 9.

¹⁴ Кассо Л.А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907. С. 49.

⁸ Кассо Л.А. Общие и местные гражданские законы. Харьков, 1896. С. 8.

⁹ Ивановский В.В. Русское государственное право. Казань, 1895. Т. 1. Вып. 1. С. 138.

Закрепление и конкретизацию положений относительно приоритетности местного права в отношении правового регулирования статуса коренного населения национальных регионов предполагалось продолжить в актах систематизации местных узаконений. Их предполагалось издать после завершения работ над общегосударственным Сводом законов российской империи. Но из планируемых сводов местных законов был издан в 1845 г. лишь Свод местных узаконений губерний остзейских. Часть первая свода во введении определяла параметры действия прибалтийского законодательства. Ст. 1 повторила положения ст. 47-48 Основных государственных законов Российской империи 1832 и 1842 гг. издания – «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, уставов и учреждений, от самодержавной власти исходящих. Законы в империи действуют или единообразно в общей их силе, или с местными в некоторых их частях изменениями». Ст. 2 детализирует указанное положение – «Сии изменения в общих законах именуется *узаконениями местными*. Заимствуя силу так же, как и законы общие, от единой власти самодержавной, сии узаконения простираются на те только губернии и области, коим они особенно предоставлены, и объемлют только те случаи, на кои именно постановлены, как изъятие из общих правил. Во всех других случаях действие общих законов империи сохраняет и в сих губерниях и областях полную свою силу»¹⁵. Одновременно Свод местных узаконений губерний остзейских в ст. 3 четко определяет территориальные пределы действия партикулярных узаконений в Остзейском крае прибалтийского – «действующие в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и в городе Нарве местные узаконения». Далее в той же статье определялись сферы правового регулирования местным прибалтийским законодательством: к государственному праву относились два первые раздела – (1) содержал положения относительно местного управления – «к особенному учреждению некоторых властей и мест губернского управления» и (2) сословному положению населения края – «к правам состояния»; (3) к гражданскому праву – «к законам гражданским»; (4) к гражданско-процессуальному праву – «к порядку судопроизводства гражданского»; (5) к уголовно-процессуальному праву – «к порядку судопроизводства уголовного». В данной статье закреплялось и использование законоположений общегосударственного законодательства, размещенного в Своде законов Российской империи – «Допускаемые в губерниях остзейских и в городе Нарве изъятия из законов общих о наказаниях уголовных и исправитель-

ных, о земских повинностях и разных частях казенного управления, государственного благоустройства и благочиния, означены по принадлежности в общем Своде законов империи».

С изданием в 1864 г. третьей части свода местных узаконений губерний остзейских («Законы гражданские») во введении к нему детализировался ряд положений относительно действия местных прибалтийских узаконений. При этом вводился «уровень действия законов» в отдельных местностях и в отношении отдельных сословных категорий населения Остзейских губерний. Так, ст. I определяла – «Постановления, содержащиеся в Своде гражданских узаконений Остзейских губерний, суть или общие, действующие во всем Остзейском крае, или особенные, имеющие обязательную силу лишь в отдельных территориях», а ст. II – «Пространство территорий определяется не только географическими границами, но вместе и званием их обывателей и обуславливаемою оным подсудностью каждого». Особо оговаривалось соотношение местного и обычного права – в ст. XXIV **устанавливалось правило: «Право обычное не может ни отменять, ни изменять постановления настоящего свода».** Ст. XXV отдает приоритет лишь обычаям, которые признавались сводом в качестве основания правового регулирования – «Случаи, в которых местным обычаям представлена предпочтительная, в идее изъятия, сила, приведены в настоящем Своде где следует»¹⁶.

Практически идентичные положения предполагалось поместить и в Своде местных законов Западных губерний, проект которого был подготовлен II отделением Собственной е.и.в. канцелярии. И хотя этот свод не был введен в действие, положения его проекта подтверждают намерения верховной власти выделить местное законодательство. Ст. 1-2 воспроизводили основные положения Основных государственных законов 1832 г. Ст. 3 определяла территориальные пределы действия местных законов на территории губерний, определенные как «западные» и сферы правового регулирования местными узаконениями – «Местные законы губерниям Виленской, Гродненской, Минской, Подольской, Волынской, Киевской и области Белостокской, при присоединении их к империи предоставленные и поныне в них действующие, относятся: 1) К законам о состояниях. 2) К законам гражданским. 3) К законам о судебных обрядах, о судопроизводстве и о мерах гражданских взысканий», т.е. ограничивалось, в отличие от Остзейских губерний, сохранением только местных правовых установлений относительно особенностей сословного статуса и регу-

¹⁵ Свод местных узаконений губерний остзейских. СПб., 1845. Далее цитируется по тексту данный источник.

¹⁶ Введение // Свод местных узаконений губерний остзейских. СПб., 1864. Ч. 3.

лирования гражданских и гражданско-процессуальных отношений. В проекте, в ст. 4, указывалось на действие определенных в Своде законов Российской империи законоположений относительно Западных губерний – «Сверх сего в законах, действующих в сих губерниях, существуют, по управлению их, некоторые другие менее важные местные особенности; они изложены во всей подробности в общем Своде законов империи, по принадлежности»¹⁷.

3. Источники местного права и партикулярные правовые системы в Российской империи

Источники местного права в Российской империи представляли сложную совокупность носителей нормативно-правовой информации и отражали международный и внутригосударственный характер формирования партикулярного уровня правового регулирования и наличие локализованных правовых систем, действующих в отношении коренного населения в отдельных национальных регионах. Общая классификация источников местного права исходит из особенностей их формирования и развития и включает: международно-правовые акты, правовые акты российской власти и местные правовые акты, которые составляли источники обособленных партикулярных правовых систем в каждом национальном регионе.

Международно-правовые акты в формировании местных правовых систем в Российской империи выступали источником партикулярного права в контексте юридической фиксации прекращения состояния войны, восстановление мирных отношений между воюющими государствами и урегулирования территориальных притязаний сторон. Они играли важную роль в связи определением условий правового положения коренного населения завоеванных территорий при его переходе под юрисдикцию Российского государства, возможность в установленные сроки свободного выбора и перемещения жителей из завоеванного пространства в страну бывшей их принадлежности, вопросы рассмотрения незавершенных уголовных и гражданских дел и др. В плане формирования местных правовых систем важное значение имели положения, в которых оговаривались обязательства русской стороны сохранять правовое положение народов присоединенных территорий, на которых прежде распространялось действие местного права. Во второй половине XVII в. – начале XX вв. складывается и являлась основной международно-договорная форма передачи населения и территорий в

состав Российского государства, выступая основанием распространения на них власти российского монарха¹⁸. Международно-правовые акты в контексте формирования местных правовых систем по своему содержанию устанавливали отдельные положения, которые можно классифицировать по нижеследующим группам.

Общие положения относительно сохранения прежнего правового статуса населения присоединенных территорий в международно-правовых актах определяли общие принципы их положения в составе Российской империи. Так, например, по Ништадскому мирному договору от 30 августа 1721 г. Швеция уступила России права на Лифляндию, Эстляндию и стороны оговаривали условие, что российская сторона обязуется сохранить за населением присоединенных территорий «право на свободное исповедание веры, а также привилегии и действие шведского законодательства»¹⁹. При этом международно-правовые акты могли фиксировать и уже состоявшееся односторонние решения российской верховной власти о сохранении местного права в отношении населения присоединенных территорий. Так, Мирный трактат, заключенный между Российской империей и Шведским королевством в Фридрихсгаме 5 (17) сентября 1809 г. фиксировал, что «поелику его величество император всероссийский самыми несомненными опытами милосердия и правосудия ознаменовал уже образ правления своего жителям приобретенных им ныне областей: обеспечив по единственному побуждению великодушного своего соизволения, свободное отправление их веры, права собственности и преимущества, то его шведское величество тем самым освобождается от священного впрочем долга, чинить о том в пользу прежних своих подданных какие-либо условия»²⁰.

Конкретные обязательства стороны относительно управленческого и правового устройства присоединяемых к России территорий в международно-правовых актах могли определять и общий характер положения присоединенных национальных регионов в составе Российской империи. Так, согласно акту Венского кон-

¹⁸ См.: Кодан С.В. Взаимодействие национального и международного права в Российской империи (XVII – начало XX вв.) // Актуальные проблемы истории, политики и права. Екатеринбург, 2011. Вып. 11. С. 35-37.

¹⁹ Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генералом-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштейном и бароном Штремфельтом «О вечном мире между обоими государствами». 30 августа 1721 г. // ПСРИ-1. Т. 6. №3819.

²⁰ Манифест «О заключении мира между Россией и Швецией». С приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгайме 5/17 сентября. 1 октября 1809 г. // ПСЗРИ-1. Т. 30. №23883. Ст. VI.

¹⁷ Свод местных законов западных губерний. Проект. СПб, 1837.

гресса 1815 г. часть бывшего Герцогства Варшавского, разделенного между Австрией, Пруссией и Россией, присоединялась к Российскому государству в качестве Царства Польского, и «в силу своей конституции будет в неразрывной с Россией связи», а также указывалось – «его императорское величество предполагает даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее распространение сему государству, имеющему состоять под особенным управлением». Согласно с принятыми обязательствами император Александр I даровал Царству Польскому в 1815 г. Конституционный устав (хартию), определявшую конституционное правление и самую широкую автономию края²¹.

Специальные положения относительно особенностей юрисдикции на отошедших к России территориях могли также определяться в международно-правовых актах. Так, при возвращении Южной Бессарабии в состав Российской империи по результатам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на основе Берлинского мирного договора от 1 (13) июля 1878 г. было предусмотрено рассмотрение дел по румынским законам²². В связи с этим в 1879 г. в России были изданы специальные правила по рассмотрению уголовных и гражданских дел на возвращенных территориях по румынским законам²³.

Международно-правовые акты юридические не ограничивали и не могли на будущее время ограничивать установленными в них положениями властные, управленческие и законодательные функции российского монарха. Последний мог свободно отказаться от взятых на себя обязательств или по своему усмотрению расширить их. Так, например, после восстания 1830-1831 гг. в Царстве Польском император Николай I 14 февраля 1832 г. отменил конституционно-автономное положение края в составе Российской империи²⁴.

Правовые акты российской верховной власти относительно местных правовых систем носили первичный характер и профилировали систему общероссийского

права с определением и коррективами положения в ней местных правовых систем, поскольку являлись выражение воли российского монарха в условиях его неограниченности власти на всей территории Российской империи, включая национальные регионы. Они составляли несколько групп носителей правовой информации: о включении населения и территорий в состав Российской империи и общем санкционировании источников местного права; об отмене действия местного права в целом или по отдельным вопросам правового регулирования; устанавливающие параметры действия местного права. По содержательной направленности воздействия на местные правовые системы правовые акты российской власти можно классифицировать по нижеследующим группам.

Правовые акты российской верховной власти о включении населения и территорий в состав Российской империи и общем санкционировании источников местного права носили «жалованный характер» - в традиции подобных актов русского права - подчеркивали сохранение российской верховной властью местного права и привилегий для населения новых территорий. Для этого использовались различные формы правовых актов. Во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. традиционно употреблялись жалованные грамоты – Жалованная грамота гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску запорожскому царя Алексея Михайловича от 27 марта 1654 г.; Жалованные грамоты Петра I – «городу Риге» от 30 сентября 1710 г., «шляхетству и земству Эстляндского княжества» от 1 марта 1712 г. и «городу Ревелю» от 13 марта 1712 г., Жалованная грамота Екатерины II «подданным княжеств Курляндского и Семигальского, также Пильтенского округа благородному рыцарству и земству, городам и всем обывателям» от 15 апреля 1795 г. Павел I издал манифест от 18 января 1801 манифестом «о присоединении Грузинского царства к России». В правление императора Александра I использовали различные формы правовых актов – 12 сентября 1801 г. подтвердил манифестом решение Павла I о включении Грузинского царства в состав России и предписал разрешать гражданские дела «по Уложению, изданному царем Вахтангом, яко по коренному грузинскому закону»; 5 марта 1809 г. был издан манифест «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии»; 23 июля 1812 г. утвердил Временное правление в Бессарабской области и объявил - «Жителям Бессарабской области предоставляются их законы», а 15 (27) ноября 1815 г. даровал Конституционный устав (хартию) Царству Польскому²⁵.

²¹ Акт Венского конгресса. 28 мая (9 июня) 1815 г. // ПСЗРИ-1. Т. 33. №25863. Ст. 1.

²² Сенатский указ, по высочайшему повелению, «О трактате, заключенном 1/13 июля 1878 г. в Берлине между Россией, Германиею, Австриею, Венгриею, Франциею, Великобританиею, Италиею и Турциею». 27 июля 1878 г. // ПСЗРИ-2. Т. 53. Ч. 2. №58744. Ст. 45.

²³ Высочайше утвержденные «Правила, подлежащие соблюдению при рассмотрении уголовных и гражданских дел, возникших при румынском правительстве в присоединенной к России по Берлинскому трактату части Бессарабии». 24 января 1879 г. // ПСЗРИ-2. Т. 54. Отд. 1. №59254.

²⁴ См.: Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского». 14 февраля 1832 г. // ПСЗРИ-2. Т. 7. №5165. Ст. 1-2.

²⁵ См. источники, указанные в сноске №2. См. также: Конституционная Хартия Царства Польского 1815 года //

Правовые акты российской верховной власти об отмене действия местного права в целом или по отдельным вопросам правового регулирования выступали средством согласования и унификации общегосударственного права и местных правовых систем. При издании таких актов источником правового регулирования становилось общероссийское право, помещенное в Свод законов Российской империи, в котором фиксировались теперь лишь «изъятия из общего закона по местным обстоятельствам». Отмена действия местных узаконений в национальном регионе как форма постепенного поглощения партикулярных правовых регуляций общегосударственным правом была возможна без политических осложнений лишь в национальных регионах с близкими по содержанию к общероссийским узаконениям местными источниками права. Наименьшие отличия в этом отношении имела местная правовая система Западных губерний и которых действие местных источников было отменено указом императора Николая I от 1 января 1831 г.²⁶ На оставшейся территории Западных губерний местное право было официально упразднено указом от 25 июня 1840 г.²⁷ Подобное решение было принято и об отмене действия местного гражданского права в Малороссии по причине включения сохранившихся партикулярных положений в Свод законов Российской империи. В конце 1859 г. в Грузии действие положений Уложения царя Вахтанга было заменено дополнениями в Свод законов гражданских 1857 г. изд.²⁸

Отдельными узаконениями российская верховная власть вносила многочисленные и существенные изменения в действия местного права прежде всего для устранения коллизий и тем самым устраняла коллизии между общегосударственным и местным правом в пользу первого. Содержательный диапазон их был различен: от отмены отдельных положений местного права и инкорпорацию их в общегосударственное законодательство, до существенного изменения положения подданных

Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815-1881). СПб., 1907. С.41-63.

²⁶ Именной указ, данный Сенату, «О введении в губерниях: могилевской и витебской, как по правительственной, так и по судебной части, того самого порядка, который наблюдается во внутренних областях государства». 1 января 1831 г. // ПСЗРИ-2. Т. 6. Отд. 1. №4233.

²⁷ Именной указ, данный Сенату, «О распространении силы и действия Российских гражданских законов, на все Западные, возвращенные от Польши, области». 25 июня 1840 г. // ПСЗРИ-2. Т. 15. Отд. 1. №13591.

²⁸ Именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерством юстиции, «О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения царя Вахтанга общими законами империи. 20 октября 1859 г. // ПСЗРИ-2. Т. 34. отд. 2. №34980.

и национального региона в составе Российской империи. В соответствующих разделах данной работы анализируются изменения в правовых системах национальных регионов.

Правовые акты российской верховной власти, устанавливающие параметры действия местного права, были объединены в рамках Свода законов Российской империи. По отношению к местным источникам права и актам их систематизации Свод законов Российской империи как источник имел более высокую юридическую силу и акт систематизации общегосударственного законодательства во включенных в него Основных государственных законах Российской империи определял общие правовые параметры действия местного права и пределы правового регулирования общественных отношений коренного населения национальных регионов местными источниками права. В отдельных разделах свода (о местном управлении, сословиях, гражданском, уголовном и процессуальном праве, определялись особенности управления и правового регулирования в отдельных сферах правового регулирования. При этом подчеркнем, что, определяя в целом субсидиарный характер действия общероссийского права в отношении местного, Свод законов Российской империи выступал важнейшим правовым средством унификации общеимперского и местного права.

Правовые акты местных правовых систем отражали специфику права и правовое регулирование отношений коренного населения в национальном регионе в период его нахождения вне Российской империи. Сама же *структура местного права* складывались по мере включения новых народов и территорий в состав России во второй половине XVII – первой четверти XIX вв. и представляла совокупность обособленных местных партикулярных систем, источники которых санкционируются российской верховной властью.

Местные правовые системы в Российской империи сложились следующие: во второй половине XVII вв. - в Украине (Малороссия) и Белоруссии (Западные губернии); в XVIII в. - в Прибалтике (Остзейские губерния) и части финских земли (Старая Финляндия); в первой четверти XIX в. – в Грузии (1801 г.), в Великом княжестве Финляндском (1808-1809 гг.), в Бессарабии (1812 г.) и в Царстве Польском (1815 г.). «Все те местные правовые системы, которые живут более или менее обособленной жизнью в пределах России, - они в ней не зачаты, они в ней не рождены. Они в ней охраняются и развиваются, насколько то допускается ... началом государственного единства» - подчеркивает российский правовед Э.Н. Берендтс²⁹.

²⁹ Берендтс Э.Н. Об источниках финляндского права // Журнал Министерства юстиции. 1901. №10 (декабрь). С. 122.

* * *

Итак, во второй половине XVII – начале XX вв. в законодательной деятельности российской верховной власти сформировались и получили законодательное закрепление общие подходы к пониманию местного права как права для отдельных категорий населения, проживающего в национальных регионах (окраинах) Российской империи. В 1826-1832 гг. при проведении систематизации законодательства Свод законов Российской империи был позиционирован как свод общегосударственного законодательства (общих для всей империи законов) в отличие от сводов местных узаконений как сводов партикулярных правовых актов в рамках местных правовых систем в каждом национальном регионе. Одновременно Свод

законов Российской империи в Основных государственных законах определил и общие законодательные параметры соотношения общегосударственного и местного права, а также юридической силы партикулярных узаконений. Основные государственные законы, следовательно, определили, а Свод местных узаконений губерний Остзейских 1845 г. продолжил уточнение характеристик двух уровней права в России - общегосударственного и местного. Был закреплен принцип – местное право действует исключительно в отдельных национальных регионах как локализованная правовая система для коренного населения, а общегосударственное право может служить лишь субсидиарным источником правовых норм. В указанный период сложились шесть местных правовых систем со своими источниками партикулярного права.

Библиография:

1. Берендтс Э.Н. Об источниках финляндского права // Журнал Министерства юстиции. 1901. №10 (декабрь).
2. Ивановский В.В. Русское государственное право. Казань, 1895. Т. 1. Вып. 1.
3. Кассо Л.А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907.
4. Кассо Л.А. Общие и местные гражданские законы. Харьков, 1896.
5. Кодан С.В. Взаимодействие национального и международного права в Российской империи (XVII – начало XX вв.) // Актуальные проблемы истории, политики и права. Екатеринбург, 2011. Вып. 11.
6. Рождественский Н.Ф. Руководство к российским законам СПб., 1848.
7. Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
8. Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833.
9. Цитович П.П. Курс русского гражданского права. Одесса, 1878. Т. 1. Вып. 1.
10. Объявление гетману Богдану Хмельницкому, учиненное ближним боярином Василием Бутурлиным «О принятии гетмана и войска запорожского в российское подданство, с приложением выписки о бывшей в Переяславле у запорожских казаков явной Раде, на которой они торжественно объявили желание свое быть в российском подданстве, и об обряде при утверждении гетмана Хмельницкого в его достоинстве». 8 января 1654 г. // ПСЗРИ-1. Т. 1. №115.
11. Жалованная грамота гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому на принятие их в российское подданство; с подтверждением прав и вольностей, дарованных им от королей польских и князей литовских, на основании статей, вновь постановленных 12 марта в Москве, с посланцами их Самойлом Богдановым и Павлом Тетерею. 27 марта 1654 г. // ПСЗРИ-1. Т. 1. №118.
12. Жалованная грамота городу Риге «В подтверждение всех его городских прав, статутов, судов, чинов, вольностей, древних обычаев, преимуществ и владения наследственными маестностями на том же основании, как оные издревле от разных государей содержаны были». 30 сентября 1710 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2302.
13. Жалованная грамота шляхетству и земству Эстляндского княжества «В подтверждение древних их привилегий, прав и статутов». 1 марта 1712 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2495.
14. Жалованная грамота городу Ревелю «В подтверждение всех древних одного города привилегий, прав, судов, законных постановлений и обычаев». 13 марта 1712 г. // ПСЗРИ-1. Т. 4. №2501.
15. Трактат, заключенный на конгрессе в Ништате уполномоченными министрами: с российской генералом-фельдцейгмейстером графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а с шведской стороны Лилиенштейном и бароном Штрёмфельтом «О вечном мире между обоими государствами». 30 августа 1721 г. // ПСЗРИ-1. Т. 6. №3819.

16. Именной указ, данный Сенату, «О присоединении на вечные времена к Российской империи княжеств Курляндского и Семигальского, а также округа Пильтенского и о приглашении уполномоченных в Сенат для учинения присяги на верность подданства». 15 апреля 1795 г. // ПСЗРИ-1. Т. 23. №17319.
17. Манифест «О присоединении Грузинского царства к России». С приложением формы императорского титула. 18 января 1801 г. // ПСЗРИ-1. Т. 26. №19721.
18. Манифест «Об учреждении прав Великого княжества Финляндии». 15 марта 1809 г. // Собрание постановление финляндских. Узаконения обнародованные на русском языке. СПб., 1902. Т. 1.
19. Манифест «О заключении мира между Россией и Швецией». С приложением мирного трактата, заключенного в Фридрихсгайме 5/17 сентября. 1 октября 1809 г. // ПСЗРИ-1. Т. 30. №23883.
20. Манифест «О договорах, заключенных к пользе государственной; о присоединении к империи Российской части герцогства Варшавского под наименованием Царства Польского; о поднятии вновь оружия против вышедшего с острова Эльба Наполеона Бонапарта». 9 мая 1815 г. // ПСЗРИ-1. Т. 33. №25842.
21. Акт Венского конгресса. 28 мая (9 июня) 1815 г. // ПСЗРИ-1. Т. 33. №25863.
22. Именной указ, данный Сенату, «О введении в губерниях: моголевской и витебской, как по правительственной, так и по судебной части, того самого порядка, который наблюдается во внутренних областях государства». 1 января 1831 г. // ПСЗРИ-2. Т. 6. Отд. 1. №4233.
23. Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского». 14 февраля 1832 г. // ПСЗРИ-2. Т. 7. №5165.
24. Манифест «Об издании Свода законов Российской империи». 31 января 1833 г. // ПСЗРИ-2. Т. 8. Ч. 1. №5947.
25. Именной указ, данный Сенату, «О распространении силы и действия Российских гражданских законов, на все Западные, возвращенные от Польши, области». 25 июня 1840 г. // ПСЗРИ-2. Т. 15. Отд. 1. №13591.
26. Именной указ, объявленный Сенату управляющим Министерства юстиции, «О замене в Закавказском крае постановлений из Уложения царя Вахтанга общими законами империи. 20 октября 1859 г. // ПСЗРИ-2. Т. 34. отд. 2. №34980.
27. Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства. 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ-2. Т. 39. Отд. 2. №41477.
28. Сенатский указ, по высочайшему повелению, «О трактате, заключенном 1/13 июля 1878 г. в Берлине между Россией, Германиею, Австриею, Венгриею, Франциею, Великобританиею, Италиею и Турциею». 27 июля 1878 г. // ПСЗРИ-2. Т. 53. Отд. 2. №58744. Ст. 45.
29. Высочайше утвержденные «Правила, подлежащие соблюдению при рассмотрении уголовных и гражданских дел, возникших при румынском правительстве в присоединенной к России по Берлинскому трактату части Бессарабии». 24 января 1879 г. // ПСЗРИ-2. Т. 54. Ч. 1. №59254.
30. Высочайше утвержденные Основные государственные законы. 23 апреля 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. Отд. 1. №27805.
31. Основные государственные законы Российской империи // Свод законов российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1.
32. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи: Изд. 1832 г. СПб., 1832, Т. 10.
33. Свод Основных государственных законов // Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1.
34. Свод местных узаконений губерний остзейских. СПб., 1845. Ч. 1.
35. Свод местных узаконений губерний остзейских. СПб., 1864. Ч. 3.
36. Временное правление в Бессарабии. 1812 г. // Записки Бессарабского статистического комитета. Кишинев, 1868. Т. 3.
37. Государственная уставная грамота Российской империи. 1820 г. Проект // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000.
38. Конституционная Хартия Царства Польского 1815 года // Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815-1881). СПб., 1907.
39. Свод местных законов западных губерний. Проект. СПб., 1837.

References (transliteration):

1. Berendts Je.N. Ob istochnikah finljandskogo prava // Zhurnal Ministerstva justicii. 1901. №10 (dekabr').
2. Ivanovskij V.V. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Kazan', 1895. T. 1. Vyp. 1.
3. Kasso L.A. Vizantijskoe pravo v Bessarabii. M., 1907.
4. Kasso L.A. Obwie i mestnye grazhdanske zakony. Har'kov, 1896.
5. Kodan S.V. Vzaimodejstvie nacional'nogo i mezhdunarodnogo prava v Rossijskoj imperii (XVII – nachalo XX vv.) // Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava. Ekaterinburg, 2011. Vyp. 11.
6. Rozhdestvenskij N.F. Rukovodstvo k rossijskim zakonam SPb., 1848.
7. Speranskij M.M. Vvedenie k Ulozheniju gosudarstvennyh zakonov // Speranskij M.M. Pro-ekty i zapiski. M.-L.. 1961.
8. Speranskij M.M. Obozrenie istoricheskikh svedenij o Svode zakonov. SPb., 1833.
9. Citovich P.P. Kurs russkogo grazhdanskogo prava. Odessa, 1878. T. 1. Vyp. 1.
10. Objavlenie getmanu Bogdanu Hmel'nickomu, uchinennoe blizhnim bojarinom Vasiliem Buturli-nym «O prinjatii getmana i vojska zaporozhskogo v rossijskoe poddanstvo, s prilozheniem vypiski o byvshej v Perejarsavle u zaporozhskikh kazakov javnoj Rade, na kotoroj oni torzhestvenno objavili zhelanie svoe byt' v rossijskom poddanstve, i ob obrjade pri utverzhdenii getmana Hmel'nickogo v ego dos-toinstve». 8 janvarja 1654 g. // PSZRI-1. T. 1. №115.
11. Zhalovannaja gramota getmanu Bogdanu Hmel'nickomu i vsemu vojsku zaporozhskomu na prinjatие ih v rossijskoe poddanstvo; s podtverzhdeniem prav i vol'nostej, darovannyh im ot korolej pol'skih i knjazej litovskih, na osnovanii statej, vnov' postanovlennyh 12 marta v Moskve, s poslancami ih Samojlom Bogdanovym i Pavlom Teteraju. 27 marta 1654 g. // PSZRI-1. T. 1. №118.
12. Zhalovannaja gramota gorodu Rige «V podtverzhdenie vseh ego gorodskih prav, statutov, sudov, chinov, vol'nostej, drevnih obychaev, preimuwestv i vladenija nasledstvennymi maetnostjami na tom zhe osnovanii, kak onye izdrevle ot raznyh gosudarej sodержаны byli». 30 sentjabrja 1710 g. // PSZRI-1. T. 4. №2302.
13. Zhalovannaja gramota shljahetstvu i zemstvu Jestljandskogo knjazhestva «V podtverzhdenie drevnih ih privilegij, prav i statutov». 1 marta 1712 g. // PSZRI-1. T. 4. №2495.
14. Zhalovannaja gramota gorodu Revelju «V podtverzhdenie vseh drevnih onogo goroda privilegij, prav, sudov, zakonnyh postanovlenij i obychaev». 13 marta 1712 g. // PSZRI-1. T. 4. №2501.
15. Traktat, zakljuchennyj na kongresse v Nishtate upolnomochennymi ministrami: s rossijskoj generalom-fel'dcejmjestrom grafom Brjusom i kanceljarii sovetnikom Ostermanom, a s shvedskoj storony Lilienshtejnom i baronom Shtremfel'tom «O vechnom mire mezhdru oboimi gosudarstvami». 30 avgusta 1721 g. // PSRI-1. T. 6. №3819.
16. Imennoj ukaz, dannyj Senatu, «O prisoedinenii na vechnye vremena k Rossijskoj imperii knjazhestv Kurljandskogo i Semigal'skogo, a takzhe okruga Pil'tenskogo i o priglashenii upolnomochennyh v Senat dlja uchinenija prisjagi na vernost' poddanstva». 15 aprelja 1795 g. // PSZRI-1. T. 23. №17319.
17. Manifest «O prisoedinenii Gruzinskogo carstva k Rossii». S prilozheniem formy imperatorskogo titula. 18 janvarja 1801 g. // PSZRI-1. T. 26. №19721.
18. Manifest «Ob uchrezhdenii prav Velikogo knjazhestva Finljandii». 15 marta 1809 g. // Sobranie postanovlenie finljandskih. Uzakonenija obnarodovannye na russkom jazyke. SPb., 1902. T. 1.
19. Manifest «O zakljuchenii mira mezhdru Rossiej i Shveciej». S prilozheniem mirnogo traktata, zakljuchennogo v Fridrihgajme 5/17 sentjabrja. 1 oktjabrja 1809 g. // PSZRI-1. T. 30. №23883.
20. Manifest «O dogovorah, zakljuchennyh k pol'ze gosudarstvennoj; o prisoedinenii k imperii Rossijskoj chasti gercogstva Varshavskogo pod naimenovaniem Carstva Pol'skogo; o podnjatii vnov' oruzhija protiv vyshedshego s ostrova Jel'ba Napoleona Bonaparta». 9 maja 1815 g. // PSZRI-1. T. 33. №25842.
21. Akt Venskogo kongressa. 28 maja (9 ijunja) 1815 g. // PSZRI-1. T. 33. №25863.
22. Imennoj ukaz, dannyj Senatu, «O vvedenii v gubernijah: mogilevskoj i vitebskoj, kak po pravitel'stvennoj, tak i po sudebnoj chasti, togo samego porjadka, kotoryj nabljudajetsja vo vnutrennih oblastjah gosudarstva». 1 janvarja 1831 g. // PSZRI-2. T. 6. Otd. 1. №4233.
23. Manifest «O novom porjadke upravljenija i obrazovanija Carstva Pol'skogo». 14 fevralja 1832 g. // PSZRI-2. T. 7. №5165.
24. Manifest «Ob izdanii Svoda zakonov Rossijskoj imperii». 31 janvarja 1833 g. // PSZRI-2. T. 8. Ch. 1. №5947.
25. Imennoj ukaz, dannyj Senatu, «O rasprostranenii sily i dejstvija Rossijskih grazhdanskih zakonov, na vse Zapadnye, vozvrawennye ot Pol'shi, oblasti». 25 ijunja 1840 g. // PSZRI-2. T. 15. Otd. 1. №13591.

26. Imennoj ukaz, ob#javlennyj Senatu upravljajuim Ministerstva justicii, «O zamene v Zakav-kazskom krae postanovlenij iz Ulozhenija carja Vahtanga obwimi zakonami imperii. 20 oktjabrja 1859 g. // PSZRI-2. T. 34. otd. 2. №34980.
27. Vysochajshe utverzhdenyj Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. 20 nojabrja 1864 g. // PSZRI-2. T. 39. Otd. 2. №41477.
28. Senatskij ukaz, po vysochajshemu povelenuju, «O traktate, zakljuchennom 1/13 ijulja 1878 g. v Ber-line mezhdru Rossieju, Germanieju, Avstrieju, Vengrieju, Francieju, Velibritanieju, Italieju i Turci-eju». 27 ijulja 1878 g. // PSZRI-2. T. 53. Otd. 2. №58744. St. 45.
29. Vysochajshe utverzhdennye «Pravila, podlezhawie sobljudeniju pri rassmotrenii ugolovnyh i grazhdanskih del, vznikshih pri rumynskom pravitel'stve v prisoedinennoj k Rossii po Berlinskomu traktatu chasti Bessarabii». 24 janvarja 1879 g. // PSZRI-2. T. 54. Ch. 1. №59254.
30. Vysochajshe utverzhdennye Osnovnye gosudarstvennye zakony. 23 aprelja 1906 g. // Polnoe sob-ranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. 25. Otd. 1. №27805.
31. Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossijskoj imperii // Svod zakonov rossijskoj imperii. SPb., 1832. T. 1. Ch. 1.
32. Svod zakonov grazhdanskih // Svod zakonov Rossijskoj imperii: Izd. 1832 g. SPb., 1832, T. 10.
33. Svod Osnovnyh gosudarstvennyh zakonov // Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1906. T. 1. Ch. 1.
34. Svod mestnyh uzakonenij gubernij ostzejskih. SPb., 1845. Ch. 1.
35. Svod mestnyh uzakonenij gubernij ostzejskih. SPb., 1864. Ch. 3.
36. Vremennoe pravlenie v Bessarabii. 1812 g. // Zapiski Bessarabskogo statisticheskogo komiteta. Kishinev, 1868. T. 3.
37. Gosudarstvennaja ustavnaja gramota Rossijskoj imperii. 1820 g. Proekt // Konstitucionnye proekty v Rossii. XVIII – nachlo XX v. M., 2000.
38. Konstitucionnaja Hartija Carstva Pol'skogo 1815 goda // Konstitucionnaja Hartija 1815 goda i nekotorye drugie akty byvshego Carstva Pol'skogo (1815-1881). SPb., 1907.
39. Svod mestnyh zakonov zapadnyh gubernij. Proekt. SPB, 1837.